

следовательно, только С есть В. Или, что то же: всякое В есть А; ничто, кроме С, не есть А, следовательно, ничто, кроме С, не есть В. Первое предложение становится очевидным из предыдущего разъяснения; второе доказывается так: сначала в отношении воли, а затем в отношении возможности. Для уяснения первого пункта, в отношении воли, следует заметить, что справедливости более всего противоположна алчность, как это дает понять Аристотель в пятой книге «Никомаховой этики». Когда алчность совершенно упразднена, ничто уже не противится справедливости; отсюда положение Философа: то, что может быть определено законом, никоим образом не следует предоставлять усмотрению судьи, и это нужно делать из опасения алчности, легко совращающей умы человеческие. Там, стало быть, где нет предмета желаний, там невозможна алчность; ведь когда разрушены предметы страсти, там не может быть и самих страстей. Но монарх не имеет ничего, что он мог бы желать, ведь его юрисдикция ограничена лишь океаном, и этого не бывает с другими правителями, чья власть ограничена властью других, например власть короля Кастилии – властью короля Арагона. Отсюда следует, что монарх может быть чистейшим носителем справедливости среди смертных. Кроме того, если алчность в некоторой, хотя бы и в малой, степени затуманивает прирожденную справедливость, то благоволение, или подлинная благожелательность, укрепляет и проясняет ее. Следовательно, в ком может быть подлинная благожелательность в наивысшей своей степени, в том может занять главное место и справедливость. Таков монарх; следовательно, при его наличии справедливость – сильнее всего или может быть сильнее всего. А то, что подлинная благожелательность приводит к торжеству справедливости, можно заключить из следующего. Алчность, презирая человеческую сущность, ищет другого блага, вне человека, а любовь к ближнему, презирая все прочее, ищет Бога и человека и, стало быть, благо человека. А поскольку среди человеческих благ самое важное – жить в мире (о чем сказано было выше) и его создаст в наибольшей и в наивысшей степени справедливость, постольку благоволение в наивысшей степени укрепит справедливость, и тем больше, чем само оно больше. И что монарху более, чем всем остальным людям, должна быть присуща подлинная благожелательность, становится очевидным из следующего. Всякий чувствующий благожелательность тем более ее испытывает, чем ближе он к проявляющему это чувство; но люди к монарху ближе, чем к другим правителям; следовательно, они испытывают или должны испытывать его благоволение в наивысшей степени. Первая посылка очевидна, если принять во внимание природу пассивного и активного; вторая уясняется из того, что к другим правителям люди приближаются лишь частично, к монарху же всецело. И притом: к другим правителям они приближаются благодаря монарху, но не наоборот. Таким образом, монарху изначально и непосредственно присуща забота о всех, другим же правителям она присуща благодаря монарху, поскольку их забота проистекает из этой верховной его заботы. Кроме того, чем причина универсальнее, тем более она имеет природу причины, ибо низшая является причиной лишь благодаря высшей, как явствует из книги «О причинах»; и чем больше причина есть причина, тем больше расположена она к порождаемому ею, ибо благоволение это соответствует ее природе. Поскольку, следовательно, монарх среди смертных есть универсальнейшая причина того, что люди живут хорошо, ибо, как уже сказано, другие правители существуют благодаря ему, постольку благо людей ему особенно дорого. А в том, что монарх в наибольшей степени способен соблюдать справедливость, кто будет сомневаться? Разве лишь тот, кто не понимает, что у монарха не может быть врагов. Итак, после того как в достаточной мере разъяснена главная посылка, бесспорно, становится ясным и заключение, а именно что для наилучшего устройства мира непременно должна существовать монархия.

## ХII.

Человеческий род оказывается в наилучшем состоянии, когда он совершенно свободен. Это станет очевидным, если уяснить начало свободы. Для этого следует знать, что первое начало нашей свободы есть свобода решения, которая у многих на устах, но у немногих в голове. Ведь доходят до того, что называют свободой воли свободное суждение о воле. Говорят они правильно, но до смысла слов им далеко; это похоже на то, как наши логики всякий день поступают с некоторыми предложениями, включаемыми в качестве примеров в логические занятия, вроде, скажем: треугольник имеет три угла, равных двум прямым. Я утверждаю со своей стороны, что